

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

АРАБСКИЕ «ПРИНЦЫ» И СКОПИНСКИЙ МУЖИК *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

№ 48. «Арапский князь (владелец)»: «самовладелец провинции Кесареван [Кесруан]» и «Сурский владелец» [1/9 ? июля 1733 – конец июня/июль ? 1734] – Мирбез (Мир Без) Гевейш (Гебейш) [Хабейш ?]

Очередной авантюрист с Востока был, очевидно, османским подданным, арабом и маронитом, родившимся в Горном Ливане. Вполне возможно, что за российскими вариантами фиксации его родового имени (Гевейш и Гебейш) скрывается уже известное нам Хабейш (Хбейш, Хобаиш, Хбейш). В таком случае Мирбез действительно родился в Кесруане и по происхождению являлся шейхом. Если ему верить, его отцом был Салех Гевейшейш (Гевейш шейх?), умерший до 1729 года. У нашего героя имелся брат, который после смерти отца тоже претендовал на трон, а значит был взрослым. О матери и жене (жёнах?) Мирбеза ничего не известно. Зато он поведал о своих сыновьях: двое старших и вполне взрослых остались в Турции, а младший – Кесарь (видимо, Кесир¹) – отправился с ним путешествовать и значит, был уже далеко не младенцем. С учётом всего этого заключаем, что на момент приезда в Россию Мирбезу было не менее 33 лет.

Помимо арабского языка, он владел турецким (правда, неясно, умел ли он писать). Его реальная биография до появления в России туманна. Судя по его показаниям, он плохо знал земли и народы к северу и востоку от Ливана и Палестины. Также можно допустить, что около 1728 года Мирбез посетил Венецию. Скорее всего, там он занимался тем же, чем другие «восточные властители» и он сам потом в России, – искал материальной поддержки. Не получив искомого или же промотав его, он из Ливана отправился на север с младшим сыном и четырьмя слугами – Юсуфом, Думитом, Максудом и Хиндриком.

Видимо, вначале они плыли вдоль ближневосточного побережья, то и дело заходя в порты (раз потом самозванец смог дать характеристику ряду портовых городов). Затем какое-то время «князь» и его свита провели в Константинополе, а оттуда перебрались в Крым. Там наш герой получил от хана «пашпорт» («подорожную грамоту») и двинулся на Украину – к российской границе. Кстати, Мирбез и его подручные вряд ли бедствовали, ибо ехали из Крыма не менее чем на десяти подводах, а значит везли много вещей.

Примерно 1–9 июля 1733 года путешественники прибыли в Кременчуг – российскую крепость на границе с Османской империей. Здесь лжемонарх и «проявился»: предъявил пограничникам ханский «пашпорт», сообщил, что он – «белых арап, называемых мураники (марониты. – *О. У.*), Сурской владелец, состоящей под ведомством Сейдак-паши (наместника Сайды. – *О. У.*), и просил о пропуске ко двору Ея Императорского Величества». Местный начальник запросил указаний из Полтавы от киевского генерал-губернатора Иоганна Бернгарда фон Вейсбаха. Тот «оного владельца приказал... прислать к себе».

В Полтаве приезжий «допросом показал о себе: завут ево Мирбез Гебейш Алез, веры каталицкой, а выехал он с сыном своим и служителями сам-шост (вшестером. – *О. У.*) от налегливости (притеснения. – *О. У.*) и гонения означенного Сейдак-паши, что де всё владение ево отнел и отдал брату ево; и для того желает он милости просить у Ея Императорского Величества, чтоб обретающейся в Цареграде резидент господин Неплюев² у Порты в том способствовать мог; а ныне де он, паша, в недоправленных на нём, владельце,

пятнадцати тысяч талярах взял от него в заклад два сына и отпустил его для збору тех денег на волю».

Сразу после допроса Вейсбах уехал в Петербург, а Мирбез и его присные остались в Полтаве ждать указа из Коллегии иностранных дел. Они жили «под надсмотрением» полтавского коменданта Василия Ивановича Чичерина и «на доволствии малоросиского Полтавского полку ис полковых доходов». 6–7 августа Вейсбах, уже будучи в столице, «через доношение» сообщил о самозванце в Коллегию иностранных дел, но ожидаемой резолюции так и не получил. Когда же он вернулся в Полтаву, «арапский владелец» вновь стал просить, «чтоб его отправить... ко двору Ея Императорского Величества и сказал, яко он может там устно о обхождениях турецких (обстановке в Турции. – *О. У.*) донести, что де вперед может Ея Императорского Величества интересу в ползу быть».

4 октября Вейсбах послал ещё одно «доношение» в Коллегию иностранных дел – уже о том, что разрешил Мирбезу проехать в Москву, причём сообщил и своё мнение: «Ежели за чем оной владелец в Санкт-Петербурх взят из Москвы быт не имеет, а повелено будет возвратно отправить во отечество его, то б возвратным трактом не отправлять, а отправить бы чрез Астрахань, Дербент и далее чрез персичкие городы». 7 октября аналогичное «доношение» было послано московскому главнокомандующему С. А. Салтыкову. Последний также извещался, что к Мирбезу приставлен «для переводу малоросиской житель Иван Креницкий» и что восточных гостей сопровождает сержант Белгородского гарнизонного полка Кирилл Афанасьев и двое солдат. Завершалось письмо просьбой, чтобы Салтыков приказал «оного владелца с сыном и служителями его и перевотчика до резолюции Государственной коллегии иностранных дел... в Москве содержать с надлежащим доволствием». 8 октября «арапский князь» получил «подорожную», 15 подвод и отправился в путь.

На улицы Москвы он ступил 4 ноября и сразу же явился в контору Коллегии иностранных дел. В тот же день Мирбез получил из полицмейстерской канцелярии «билет» на постой. Сначала он поселился на

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9–11; 2008. № 1, 4.

[с. 67]

дворе у князя Андрея Андреева сына Сонцова, но 7 ноября был «поставлен» в Китай-городе «на двор гостя (купца высшего разряда. – *О. У.*) Алексея Филатьева». Вероятно, уже сразу по приезде Мирбез узнал о том, что в Москве живёт и другой ближневосточный «владелец» – Шехашидит (см. ниже). Они списались или встретились, дабы согласовать свои дальнейшие действия и показания.

Вскоре Салтыков получил из Петербурга письмо, где канцлер Гаврила Иванович Головкин инструктировал его: если у Мирбеза нет иного дела, кроме испрашивания царской милости, то в столицу его пускать не следует, ибо он может высочайшую милость получить в Москве. 12 ноября Мирбез был вызван к Салтыкову. Его спросили, «что он может о обхождениях турецких донести». В ответ лжемонарх «объявил, что он подаст о сём на писме. И на другой день прислал оной владелец чрез обретающагося при нём толмача турецкого языка... два писма на арапском языке»: одно – к царице, другое – к московскому главнокомандующему.

В письме к Анне Иоанновне кратко описаны восемь городов на ближневосточном побережье (число пушек, солдат и объём получаемых в казну доходов) – Антакья, Латакия, Тараблус, Бейрут, Сайда, Акка, Хайфа и Яффа. Далее сообщается: «От Яфа до Иеросалима езды 15 часов. Во Иеросалиме пушек довольно и войска ж с 1000 человек, а подлинно он, сколько доходов, сказать не может, понеже тамо христиан в крепость не пускают. От

Иерусалима до Дамаска никакой крепости нет – всё степь и народы степные. И о сём он доносит толко для известия ево нужды, что он приехал для прошения милости у Ея Императорского Величества...»

В письме на имя Салтыкова Мирбез изложил свою мифическую биографию: «Из давних лет – более семисот лет – предки ево были самовладетельные князи провинции Кесареван близ Иерусалима и Дамаска (на самом деле Кесруан довольно далеко от них. – *О. У.*), в которой имели своего войска 50 000 (явное преувеличение. – *О. У.*). Главной город той провинции, в котором они жили, имеется Казир (очевидно, Газир, однако этот город не был главным в Кесруане. – *О. У.*). И по смерти отца своего Салеха Гевейшейша наступил во владение той провинции он, Мир Без, и владел тою провинциею самовластно ж, от турков охраняя себе военную рукою (лжёт, ибо турки весь Ливан подчинили ещё в XVI в. – *О. У.*). Тому лет с пять был он в Венеции у дука, владеющаго Венециею³, за согласиём против салтана о взятъе Иерусалима, которой ему говорил: ежели турецкой салтан будет с ним воеват, то он пошлёт к нему карабли, которые бы он вооружил людми; а как Иерусалим взят будет, то все христианские потентанты (властители. – *О. У.*) будут ему помогать. И с тем он поехал из Венеции в свою страну. Турки о сём не уведали, что он ездит в Венецию, и венецианский князь карабли к нему не присылал для вооружения людми, понеже в словах было учинит сей поступок в случай погоды, когда салтан забавится военною рукою против цесаря (императора Священной Римской империи. – *О. У.*) и иных потентантов и обезсилеет. В близости провинции ево есть провинция салтанская Сур (на самом деле Сур относился к наместничеству Сайда, причём не был главным городом. – *О. У.*), в которой от салтана определён Сайдак-паша. Той провинции люди во владении тому паше стали быть противны. Половина провинции желала быт у онога паша, а другая половина желала владения ево, Гевейша. В таком случае помянутой Сайдак-паша стал ему говорить, чтоб всю ту провинцию принял он, Гевейш, в своё владение, а салтану толко с оной, а не с собственной своей провинции, платил денег по 100 мешков, в которых имеет быт по 300 ру[блей]⁴. По которому ево объявлению помянутую провинцию Сур он, Гевейш, и принял в своё владение. И владел толко один год, а денег за ту провинцию на тот год заплатил сперва 50 мешков, да потом 15, а 35-ти мешков заплатит не мог, понеже между жителями той провинции, которые желали владения того Сайдак-паша, с теми, которые пожелали владения ево, Гевейша, учинилас ссора, междоусобица, и один другога пожгли со всем именем, и ушли в горы. Сайдак-паша стал требоват с него помянутых недоплаченных денег, объявляя, якобы они от него, Гевейша, ушли и такой поступок учинили; и за то в городе Беруте на Белом море поймал дву сынов ево, уведав, что они в тот город приехали, и держит под арестом за то, чтоб помянутые недоплаченные денги ему, Сайдак-паше, он, Гевейш, заплатил. Для того он поехал ко двору Ея Императорского Величества, чтоб учинит ему в том споможение и к резиденту Неплюеву писат, дабы он у Порты за него о сём старание приложил. А в той провинции, которая собственная ево, поехав в Росию, оставил он брата своего». (Как видим, самозванец противоречит сам себе: в Полтаве он говорил, что хочет вернуть отобранное «владение», а теперь – что сыновей-заложников).

Между тем Контора Коллегии иностранных дел ждала из Конторы Сената указа о выдаче «кормовых денег» Мирбезу и его окружению, «понеже оная дача чрезвычайная и на Коллегию иностранных дел не положенная». 13 ноября такой указ был получен, и отныне «правителю Кесруана», его сыну и слугам, переводчику и солдатам охраны ежемесячно из Штатс-конторы перечислялись деньги «на корм и на дрова» из расчёта по 1 рублю в день на всех.

Какое-то время спустя Мирбеза вновь пригласили на «роспрос». Во-первых, российские чиновники желали пополнить полученные от него сведения о ближневосточных городах. Но ответ самозванца, скорее всего, их разочаровал. Во-вторых, российские власти пытались выяснить, знают ли друг друга приехавшие в Москву «арапские владельцы» и не самозванцы

ли они. Оказалось, что Мирбез даже заочно выказывал уважение к своему фактическому конкуренту. Не остался в долгу и Шехашидит.

Возможно, на отношение российских властей к Мирбезу повлияло то, что у него были слуги, много добра и «подорожная» от крымского хана, что «арапский князь» был осведомлён о российском резиденте при султানে. А может, власть имущие просто хотели поддержать свой престиж. Как бы то ни было, авантюрист получил-таки желаемое.

5 мая 1734 года в Москву из Петербурга были доставлены письмо кабинет-министров А. И. Остермана и А. М. Черкасского и указ из Коллегии иностранных дел. В посланиях сообщалось, что императрица велела дать Мирбезу 400 рублей и выслать его за границу через Астрахань или Архангельск – на выбор «князя». Царица также указала дать ему и его свите «в дорогу кормовых на два месяца против московской дачи, также и прогоны на пристойное число подвод», и послать с ними для охраны одного солдата. Ко второй бумаге были «приложены на тот выезд пашепорты... на оба те пути».

Выяснилось, что Мирбез хочет ехать

[с. 68]

через Архангельск, однако «требуется, чтоб дать ему пятнатцат подвод, да в провожатых сержанта и одного салдата, понеже и ис Полтавы он препровождён был так». Ему пошли навстречу, но вместо сержанта послали с ним толмача И. Креницкого. 8 мая из Конторы Коллегии иностранных дел в Контору Сената было отправлено соответствующее «доношение». 1 июня Мирбезу был выписан «проезжий указ», и после его получения «владелец Кесруана» двинулся к Архангельску (как и Шехашидит). Оттуда (вероятно, ещё до августа) он уплыл за границу – очевидно, в Западную Европу. Его дальнейшая судьба неизвестна.

№ 49. «Князь (владелец) Арапской земли – Ливанской Горы» [июль/10 августа ? 1733 – конец июня/июль ? 1734] – Шехашидит (Шеха Шидит, Шаха Шидит, Сагшидит) [шейх Сидихт ?]

И этот самозванец был, очевидно, османским подданным и арабом, родившимся в Горном Ливане. Он утверждал, что является православным. Это было возможно, так как в Ливане издавна жили христиане, подчинявшиеся патриархам Иерусалимскому и Антиохийскому. О родных Шехашидита ничего не известно. Кроме арабского языка (включая письменную речь), он знал турецкий, но писал на нём или нет – неизвестно. К моменту прибытия в Россию ему вряд ли было менее 25 лет.

Его реальная «дороссийская» биография покрыта мраком. Но можно утверждать, что в далёкие края его повело всё то же стремление к лёгкой наживе, рождённое слухами о благосклонности европейских монархов к «предводителям христиан, стонущих под османским игом». Известно, что Шехашидита сопровождали двое слуг – «арапы Юрья Мансуров, Бушаин Иванов, из самого жилища ево». В Россию он попал через Константинополь, где уже знакомый нам резидент Неплюев оформил ему «пашпорт до Киева». Однако мы не знаем, каким путём ехал Шехашидит на север – через Крым (как М. Гевейш) и потом через Речь Посполитую или же сразу через Речь Посполитую (как И. Хабейх⁵). Как бы то ни было, вряд ли он испытывал нужду, ибо скарб его занимал 5–6 подвод, к тому же у самозванца были деньги на дорожные расходы.

Примерно между 1 июля и 10 августа 1733 года Шехашидит со слугами прибыл в один из российских форпостов на границе с Речью Посполитой недалеко от Киева. Видимо, там он и «проявился»: предстал перед пограничниками в качестве христианского властителя,

пострадавшего от турок и потому желающего проехать в Петербург, дабы испросить милости у царицы. Трудно сказать, поверили ему или нет, но в Киев пропустили. Вероятно, свою роль сыграл «пашпорт» от Неплюева.

По приезде в Киев самозванец явился в губернскую канцелярию и вновь «разгласил» о себе. «Пашпорт» у него забрали, зато приставили толмача – это был «грек Иван Остафьев сын Мухоянов... купецкой человек». 12 августа самозванцу выписали новый проезжий документ: «От Киева до Москвы Ливанские Горы жителя арапа Шеха Шидита, которой ездит для своих нужд, з будущими при нём одним толмачом и двумя служители пропускать без задержания; а приехав в Москву, явитца ему с сым пашпортом в Государственной коллегии иностранных дел». Также ему и толмачу предоставили «ямские подводы» и дали «в провожатые» двух-трёх солдат.

Сразу по прибытии в Москву, 29 сентября, наш герой явился в Контору Коллегии иностранных дел и «сказал, что он арап родом... Ливанские Горы, верою христианин греческого исповедания, породю князь той Горы, а чином полковник арапской области Турецкой; приехал в Российскую империю для прошения милости у Ея Императорского Величества о вспоможении ему в ево раззорении, понеже турки, приехав в ту Гору, дом ево и деревни все раззорили, от которого нападения едва он спасся и ушёл в Костянтинополь, и тамо жил при патриархе костянтинополском, и явился резиденту Ея Императорского Величества господину Неплюеву, которой дал ему и пашпорт свой до Киева... И ныне он, арап, для вышеписанных нужд своих желает ехать в Санкт-Питербурх, и чтоб от Москвы до Санкт-Питербурха дат ему проезжей указ и шесть подвод ямских за ево прогоны».

Ему предоставили нового переводчика – Дементия Беликова, украинца, который «был в полону у турок, и выехал с Александром Румянцовым⁶, и имеет пашпорт, и живёт ныне в Москве». Кроме того, Шехашидит узнал о пребывании в городе «собрата по несчастью» – М. Гевейша. Они, очевидно, установили контакт и договорились действовать согласованно.

11–12 ноября Салтыков получил письмо канцлера Головкина «о прибывших из Турецкой области из белых арап, которые называютца тамошних мест владельцами и веры христианской – один Мирбес с сыном, другой Сагшидит и при обеих челядники...»

Не позже 29 января 1734 года Шехашидита пригласили на «роспрос». Его показания записаны так: «Ливанской Горы владелец сказал, что мураники Сурской владелец от него жителство[м] растоиянием как четыре или пят дней толко езды, и про него он ведает, что он тамошней владелец, толко с ним случая никакова свидется не имел. А слышал, что он от турок раззорён и держутца дети ево от турка за долг под арестом. Он же, Шидит, чрез толмача объявил, что он никакова дела, окроме того, что просит у Ея Императорского Величества милости – награждения, ничего не имеет».

30 января от «Арапские земли князя Шаха-Шидита» в Контору Коллегии иностранных дел поступило прошение: «Минувшаго 1733-го году прибыл я, нижеимянованный, из Арапской земли в Москву от разорения арапских бусурман для прошения милости Ея Императорского Величества о награждении, а после моего прибытия в Москву прибыл арапской князь Мирбес

[с. 69]

Гевейш, которому по Ея Императорского Величества указу даётся Ея Императорского Величества жалованье кормовые денги, а мне кормовых не даётся, от чего я, низжайший, с служителями моими претерпеваю немалую нужду. Того ради Государственной коллегии иностранных дел кантору покорно прошу, дабы повелено было и мне давать Ея Императорского Величества милостивое жалованье – кормовые денги. А служителей при мне и с толмачём – четыры человека».

На самом деле при «князе» находились трое (четвёртый – он сам). Но главное внимание обратим вот на что: раньше он говорил, что его разорили турки, а теперь – что мусульмане-арабы. Странно и то, что он так и не удосужился подробнее рассказать о своих мифических владениях и горестях. Впрочем, российских чиновников это не занимало. Возможно, виной тому было наличие у Шехашидита слуг, припасов и «пашпорта» от российского дипломата, а также подтверждение его статуса Гевейшем. Как бы то ни было, просьбу самозванца уважили: с 8 февраля «Шеха Шидиту с служители» начали ежемесячно выдавать «из Штатс-канторы... на каждой день по полтине».

Полученные 5 мая бумаги – письмо кабинет-министров Остермана и Черкасского и указ из Коллегии иностранных дел – сообщали, что царица велела дать Шехашидиту 300 рублей и отправить его за границу через Астрахань или Архангельск (на его усмотрение). Кроме того, ему со свитой должны были дать «кормовые» (на два месяца по прежней ставке) и «прогонные» деньги («на пристойное число подвод»), а также «послать с ними для препровождения до тех мест» одного солдата. Прилагались и проезжие документы «на оба те пути».

Шехашидит, как и Гевейш, вознамерился покинуть Россию через Архангельск, но запросы у него были скромнее: «Шехашидит просит, чтоб дать ему шесть подвод, да с собою требует одного толмача – малороссийца Дементья Беликова». Желание решили исполнить, и в тот же день сообщили об этом в Кантору Сената. 31 мая на его имя была оформлена «подорожная», после чего самозванец отправился к Белому морю (возможно, вместе с Гевейшем). Примерно в конце июня – июле 1734 года он из Архангельска отплыл в Западную Европу. Известий о нём больше нет.

Источник

АВПРИ. Ф. 105. Оп. 105/1. Д. 2.

№ 50. «Богоизбранный царь – будущий зять турецкого султана» [январь/июль ? 1734 – после августа 1734] – Филипп Дюков

На этот раз мы имеем дело с российским подданным, православным и, видимо, русским. Будущий самозванец родился около 1711–1715 года в дворцовой деревне Журавинке (у села Лопатина) Скопинского уезда Воронежской губернии. Возможно, его деревня – та самая Журавинка (Журовники), которая на картах XIX века располагается к югу от Скопина на реке Рясе, притоке Воронежа, чуть севернее Раненбурга (Ораниенбурга). С 1610 года Скопин и его округа принадлежали царской семье, причём с 1731 года ими заведовала Конюшенная канцелярия.

О родных Филиппа явной информации нет. Когда он ступил на путь самозванства, его отец, видимо, здравствовал, ибо Дюков был холостым и для следователей – «крестьянской сын», то есть поселянин, ещё не ставший самостоятельным домохозяином. Возможно, именно отец научил его портняжничать.

Не позже 1728 года Филипп стал регулярно ездить в Скопин. Там у него и родилась мысль о его высоком предназначении. Вот как он вспоминал об этом в 1734-м: «Тому лет с шесть, будучи он, Дюков, в Скопине в церкви у обедни, увидел внезапно перед собою на полу небольшое сверканье – лучи, белое и красное с переменою, которое было с полчаса. И с того де времени и доньне такое ж сверканье почасту он видел же и потому мыслил, что оно сверканье чинилось для ево, Дюкова, и надеялся простотою своею, что возмётца он в цари в ыное государство. А никто ево о том не научал и умыслу и согласия в том же никакова ни с кем у него не было».

Примерно весной – летом 1731-го Филипп сбежал из дома: «Пошёл было он, Дюков, в Воронежской уезд в лес и хотел, построив себе келью, жить для моления, а оттуды мыслил

было идти за границу к турецкому салтану для того: либо оной салтан примет его к себе в цари и женит на дочери своей, ежели у него имеются». Потаённый самозванец двигался к Воронежу, вероятно, через Данковский уезд. В Лебедянском уезде (тоже Воронежской губернии) он задержался: «ходя, кормился портным мастерством и милостынею». Однако бродяга вызывал подозрения, и в одном из местных сёл какой-то однодворец схватил его и «отвёл в Воронежскую губернскую канцелярию, что у него, Дюкова, пашпорта никакова не имелось».

Предположительно с осени 1731 по начало 1732 года пристанищем Филиппа была воронежская тюрьма. В губернской канцелярии «в роспросе показал он, Дюков, толк о родине своей и что... идёт в воронежские леса в пустыню. А о том, что из оных лесов мыслил идти за границу к турецкому салтану, и о яввшихся ему сверканиях он, Дюков, не показал. И после роспросу за то, что он, Дюков, по уездам бродил без пашпорта, учинено ему наказание кнутом и свобожён».

Из Воронежа скрытый «царь» отправился на север, но домой не спешил. Очевидно, он пересёк Воронежский, Лебедянский и Данковский уезды, после чего оказался в Епифанском (Московская губерния). Там судьба его занесла «в село в Ангелское» (видимо, Архангельское – на одном из левых притоков Дона, к юго-востоку от Епифани). Оттуда он пришёл «в Скопинской уезд в село ж Горлово» (на дороге из Епифани в Скопин), и там его схватили вторично – уже за убийство крестьянки. Это случилось примерно в январе – июле 1734-го. Дюкова доставили в Скопин, и «при розыске» (на пытке) он заявил: «тое де жонку зарезал он для того, что де хотел он, Дюков, в цари». К сожалению, никаких подробностей мы не знаем. Известно только, что следствием «проявления» стала отсылка Филиппа в Москву – в Конюшенную канцелярию.

Не позднее середины августа его переправили в Тайную контору. В ходе «роспроса» и первой пытки Дюков сознался в убийстве «жонки», рассказал о «знамениях» и бродяжничестве, но от мифической ипостаси не отказался. Последнее из доступных нам известий о нём датировано августом 1734 года – это запись в журнале Тайной конторы, что «оним Дюковым следуетца розыском» (то есть его ждут ещё две пытки⁷). Думается, приговор ему вынесли не ранее ноября 1734-го. Если его признали умалишённым, то заключили в монастырь «до исправления в уме». Если же признали нормальным, то, скорее всего, наказали кнутом и отправили на каторгу.

Источник

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Ч. 2. Л. 394–395.

Литература

Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. 1999. С. 47.

Примечания

¹ Кесир – искажённая форма имени Касир: в переводе с арабского – «многочисленный». – Гафуров А. Г. Имя и история. М. 1987. С. 156, 157.

² Иван Иванович Неплюев был российским резидентом в Константинополе с 1721 по 1734 г.

³ Титул венецианского правителя (дож) происходит от лат. *Dux*, по-итальянски – *Duca*.

⁴ Мешок – денежная сумма в 500 пиастров (курушей); куруш – турецкая серебряная монета, в конце XVII в. она весила 19,24 г, в 1719 г. – 26 г, затем её вес понижался и в 1810 г. упал до 4,65 г.

⁵ См.: Родина. 2008. № 1. С. 35.

⁶ А. И. Румянцев был чрезвычайным послом в Турции с конца 1724 по конец 1728 г.

⁷ См.: Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М. 1960. С. 98, 138.